

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ДОСТОЕВСКИЙ

—

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

—
1
—

Издательство
«НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД
1974

ние место отнюдь не единичное в «Братьях Карамазовых»: «По-моему, Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо. Правда, он был бог. Но мы-то не боги... Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда» (IX, 234—235). Ранее в «Кроткой» офицер-ростовщик тшкетно пытается вспомнить, кому принадлежит неосуществимый для человека завет: «Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля! „Люди, любите друг друга“ — кто это сказал? чей этот завет?» (XI, 475).

Ситуация «Кроткой» и завет Христа ведут к словам Достоевского, записанным у гроба его первой жены, М. Д. Исаевой: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я прятствую».¹⁹

К таким далеким этическим, философским, идеологическим и интимно-личным размышлениям Достоевского восходят слова Зосимы, поразившие Успенского. Заключительную главу цикла «Волей-неволей» Успенский не написал, но проблема сопряжения единичного, отдельного человеческого «я» с групповым, коллективным «мы» — основная в этом цикле. Тяпушкин — не приметная личность, терзаемая внутренними неурядицами, «человек неопределенного положения, неопределенного звания, человек случайных средств», продукт разных обстоятельств — исторических, сословных, семенных — суженный ими и скомканный, из тех, кому судьбой и историей на роду предписано «пропасть». Он запутался в бесполовщине, бессмыслице, бессвязи современной действительности; отчаялся разыскать «источник живой воды», найти руководящую нить. Тяпушкин понимает, вернее даже, всем существом осознает, что спасти его может только лично осознанный поворот к общему делу. Но подготовлена ли личность современного человека к такому повороту? И да, и нет — ответ Успенского. Да — так как ошутима глужчая потребность исхода. Нет — потому что эта потребность находится в разладе с непосредственными личными устремлениями человека. Для иллюстрации и подтверждения своих мыслей Успенский обращается к русской литературе: «...ни в жизни, ни в литературе я не знаю типа в нравственном складе которого, хотя бы даже в особой степени, была приметна какая-нибудь черта, говорящая о том, что тип не чужд уверенности в неизбежности для „личности“ человеческих каких-то прав» (VIII, 389). И в этом смысле равны лирический герой поэмы Некрасова «Рыцарь на час» («Уведи меня в стан погибающих») и Елена Инсарова («Кто отдался весь, весь, тому горя мало... тот уж ни за что не отвечает. Не я хочу... то хочет!»).

¹⁹ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860—1881 гг. М., «Наука», 1971, с. 173 (Лит. наследство, т. 83).